

УДК 34.0**DOI: 10.34670/AR.2026.92.94.028****Конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления****Амирханова Юлия Сергеевна**

Аспирант,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: yuliya.amirhanova@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления в Российской Федерации. Анализируются конституционные основания молодёжной политики, закреплённые после конституционной реформы 2020 года, и положения Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». Рассматриваются доктринальные подходы к конституционализации молодёжной политики, её связи с институтами народовластия, программным управлением и федеративным устройством. Обосновывается, что молодёжная политика относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Её самостоятельность определяется прямым конституционным признанием, комплексным предметом регулирования и многоуровневым характером реализации. При этом молодёжная политика не должна рассматриваться как основание для создания единого специального правового статуса для всех лиц в возрасте от 14 до 35 лет или для неопределённого расширения публичного вмешательства в жизнь молодых людей. Показано, что конституционные основания молодёжной политики образуют трёхуровневую конструкцию: норму о распределении полномочий между уровнями публичной власти, общие социальные гарантии, адресованные гражданам независимо от возраста, и производный от них законодательный критерий определения субъекта регулирования. Отдельно оценивается значение программно-целевого метода: он остаётся актом подзаконного уровня и не может служить самостоятельным источником компетенции публичных органов. Делается вывод, что дальнейшее развитие регулирования должно быть связано с совершенствованием межуровневой координации, финансового обеспечения, механизмов участия молодёжи и прозрачных правил поддержки общественных объединений.

Для цитирования в научных исследованиях

Амирханова Ю.С. Конституционно-правовая природа молодёжной политики как самостоятельной сферы публичного управления // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 250-258. DOI: 10.34670/AR.2026.92.94.028

Ключевые слова

Молодёжная политика, Конституция Российской Федерации, совместное ведение, публичное управление, молодёжь, права и свободы, федерализм, Федеральный закон № 489-ФЗ.

Введение

Молодёжная политика охватывает широкий круг отношений: образование, занятость, поддержку молодых семей, добровольчество, общественное участие, культуру, физическое развитие и профилактику негативных явлений в молодёжной среде, – поэтому она давно перестала быть лишь совокупностью отдельных социальных программ. Сегодня это самостоятельное направление деятельности публичной власти, которое требует ясного конституционно-правового обоснования.

Вопрос о природе молодёжной политики приобрел новое содержание после конституционной реформы 2020 года. Если первоначальная редакция Конституции Российской Федерации не содержала прямого упоминания молодёжной политики, то действующая редакция относит её общие вопросы к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это изменило не только терминологию, но и правовую основу распределения полномочий между уровнями публичной власти.

Материалы и методы исследования

Цель данной статьи состоит в определении конституционно-правовой природы молодёжной политики, анализе ее места в системе совместного ведения и установлении пределов публичного вмешательства в молодёжную сферу. Для этого используются формально-юридический, системный и сравнительный методы, а также анализ научных подходов к конституционализации молодёжной политики.

Постановка вопроса о конституционных основаниях молодёжной политики требует прежде всего ответа на вопрос о моменте и способе её вхождения в предмет конституционного регулирования. До 2020 года эта сфера существовала в статусе законодательной, но не конституционной категории, что порождало неопределенность относительно объема и характера полномочий Российской Федерации в данной области. Изменение конституционных норм в 2020 году сняло эту неопределенность лишь частично, и именно поэтому анализ следует начинать не с констатации факта включения молодёжной политики в статью 72 Конституции Российской Федерации, а с оценки правовых последствий такого включения.

Результаты и обсуждение

Отнесение общих вопросов молодёжной политики к предметам совместного ведения решает прежде всего компетенционную задачу: оно определяет, кто вправе регулировать данную сферу и в каких пределах, но не отвечает на вопрос о содержательном наполнении молодёжной политики, и именно смешение этих двух аспектов – компетенционного и содержательного – характерно для значительной части научной литературы по рассматриваемой теме, что впоследствии порождает искусственную полемику о степени «самостоятельности» молодёжной политики как отрасли. Показательна в этом отношении позиция С. В. Запольского и Сморгчовой Л. Н., которые рассматривают конституционные новеллы 2020 года о совместном ведении как инструмент уточнения статуса целой группы социальных сфер, включая молодёжную политику [Запольский, Сморгцова, 2022]. С этой оценкой можно согласиться в части диагностики самого факта уточнения статуса, однако она не снимает более сложного вопроса – о том, достаточно ли компетенционного распределения полномочий для признания

молодёжной политики самостоятельной сферой публичного управления, или для этого требуется собственный, содержательно обособленный предмет регулирования.

Ответ на этот вопрос предполагает обращение ко второй группе конституционных норм – тем, что закрепляют социальный характер государства, принцип равенства и гарантии в сфере семьи, образования, здравоохранения и социального обеспечения. Эти нормы адресованы гражданам вне зависимости от возраста и сами по себе не образуют специального конституционного статуса молодёжи. Их значение иное: они образуют содержательную рамку, в пределах которой законодатель вправе устанавливать дифференцированное регулирование, если оно отвечает объективным критериям и не приводит к произвольным преимуществам или ограничениям. П. А. Меркулов связывает завершение процесса конституционализации молодёжной политики именно с сочетанием конституционного закрепления полномочий и последующей законодательной конкретизации в отраслевом законе [Меркулов, 2021]. По мнению автора этот вывод верен применительно к формально-юридической стороне вопроса, однако нуждается в уточнении: конституционализация в её содержательном смысле не может считаться завершённой актом принятия одного федерального закона, поскольку сама конституционная рамка носит открытый характер и допускает дальнейшую конкретизацию как на федеральном, так и на региональном уровне.

Третий элемент конституционных оснований связан с определением субъекта молодёжной политики. Отраслевое законодательство вводит возрастной критерий, отсутствующий в конституционном тексте, и это различие принципиально: конституционные нормы о социальных правах не знают понятия «молодёжь» как обособленной категории, тогда как отраслевой закон вынужден вводить такую категорию для целей адресного регулирования. Данное обстоятельство ставит под сомнение распространённую в литературе тенденцию говорить об особом «правовом статусе молодёжи» как о едином правовом феномене. Полагается, что корректнее говорить не о статусе, а о совокупности дифференцированных мер, обоснованность которых должна оцениваться отдельно применительно к каждой группе оснований – возрастной, социальной, профессиональной. Использование в этом контексте категории «позитивная дискриминация», встречающееся в отдельных работах, представляется терминологически неточным для российской конституционно-правовой доктрины, поскольку смешивает специальные меры социальной поддержки, допустимые при условии их объективной обоснованности и соразмерности, с исключениями из принципа формального равенства, требующими куда более строгого обоснования.

Таким образом, конституционные основания молодёжной политики образуют не единую норму, а трехуровневую конструкцию: норму о распределении полномочий между уровнями публичной власти, общие социальные гарантии, адресованные гражданам независимо от возраста, и производный от них законодательный критерий определения субъекта регулирования. Каждый из этих уровней решает собственную задачу, и попытка вывести из них единый и самодостаточный конституционный статус молодёжи, на мой взгляд, не находит достаточной опоры ни в тексте Конституции, ни в логике отраслевого регулирования. Именно это разграничение задаёт направление дальнейшего анализа доктринальных подходов к конституционализации молодёжной политики.

Если предыдущий раздел был посвящён формально-юридической стороне конституционализации молодёжной политики – распределению полномочий, содержательной рамке социальных прав и субъектному критерию, – то дальнейший доктринальный анализ требует обращения к вопросам иного порядка: каким образом молодёжная политика

соотносится с институтами народовластия, какова её историческая обусловленность и какое значение имеет программно-целевой метод для её практической реализации.

Заслуживает внимания позиция А. В. Григорьева, который рассматривает конституционные основы молодёжной политики через призму институтов народовластия, акцентируя значение участия молодёжи в публичной жизни как самостоятельной конституционной ценности [Григорьев, 2023]. Данный подход представляется продуктивным, поскольку он смещает фокус исследования с перечня социальных гарантий на вопрос о том, в какой мере молодёжная политика способна выполнять не только распределительную, но и представительскую функцию. Вместе с тем следует внести уточнение: молодёжные парламенты, общественные советы и аналогичные консультативные структуры, при всей их полезности, не тождественны конституционным институтам народовластия в собственном смысле слова. Референдум, выборы и публичные слушания представляют собой формы непосредственного волеизъявления граждан, тогда как консультативные молодёжные структуры выполняют вспомогательную функцию – они формируют канал для выражения инициатив и общественной экспертизы, но не заменяют механизмы, посредством которых граждане реализуют принадлежащую им учредительную власть. Смещение этих двух уровней, встречающееся в отдельных работах, на мой взгляд, способно создать иллюзию более широкого участия молодёжи в управлении делами государства, чем это следует из действующего конституционного регулирования.

Иной ракурс предлагает А. В. Бем, обращающийся к конституционно-правовому регулированию молодёжной политики в советский период [Бем, 2024]. Значение этой работы состоит в том, что она позволяет оценить современное регулирование не как результат единовременного нормотворческого решения 2020 года, а как звено более длительной традиции публичного воздействия на молодёжную среду. Однако из этой преемственности не следует делать вывод о содержательной близости советской и современной моделей – советское законодательство исходило из идеологического единообразия и рассматривало молодёжь прежде всего как объект воспитательного воздействия в рамках единой государственной идеологии, тогда как действующая Конституция Российской Федерации закрепляет идеологическое многообразие и приоритет прав личности. Поэтому историческая ретроспектива, предложенная в указанной работе, ценна скорее, как материал для сравнительного анализа, демонстрирующий изменение самих оснований, на которых строится вмешательство государства в молодёжную сферу, нежели как источник содержательных заимствований для современного регулирования.

Наконец, отдельного рассмотрения заслуживает программно-целевой метод реализации молодёжной политики, значение которого применимо к федеральному и региональному уровням, который раскрывает О. Н. Любина на материалах государственных программ Российской Федерации и города Москвы [Любина, 2017]. Программный подход обладает очевидным организационным преимуществом: он позволяет увязать между собой цели, финансовое обеспечение и измеримые показатели результата, что особенно важно в такой многоаспектной сфере, как молодёжная политика. Тем не менее государственная программа по своей правовой природе остаётся актом подзаконного уровня и не может выступать самостоятельным источником компетенции, она вправе конкретизировать направления деятельности, уже установленные законом, но не вправе расширять полномочия публичных органов сверх того объёма, который определён Конституцией и федеральным законодательством. Данное ограничение представляется принципиальным, поскольку иное понимание программного управления открывало бы возможность подмены законодательного

регулирования административным усмотрением.

Совокупность рассмотренных подходов позволяет утверждать, что конституционализация молодёжной политики не исчерпывается вопросом о распределении полномочий между уровнями публичной власти. Её полноценное содержание раскрывается лишь при учёте представительского измерения – участия молодёжи в публичной жизни, исторической обусловленности современного регулирования и инструментального значения программно-целевого метода, который остаётся вспомогательным по отношению к законодательной основе молодёжной политики.

Пункт «е» части 1 статьи 72 Конституции РФ определяет конституционную основу участия Российской Федерации и ее субъектов в молодёжной политике [Конституция РФ, 1993]. Так, Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (далее – Закон № 489-ФЗ) развивает эту модель: статья 8 определяет полномочия федеральных органов государственной власти, статья 9 – полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, статья 10 – полномочия органов местного самоуправления [Конституция РФ, 1993].

Федеральный уровень формирует общие правовые и организационные основы молодёжной политики. Субъекты Российской Федерации обеспечивают ее реализацию с учетом региональных особенностей, принимают региональные акты и программы, участвуют в развитии инфраструктуры. Муниципальные образования участвуют в осуществлении молодёжной политики на соответствующей территории, организуют местные мероприятия, муниципальные программы и иные меры в пределах компетенции.

Следовательно, основная федеративная проблема заключается не в поиске конституционного основания для федерального участия, а в согласовании полномочий и ресурсов. Необходимы ясные правила межуровневой координации, финансового обеспечения, обмена данными и оценки результатов. Эти вопросы особенно актуальны в условиях перехода к новой модели местного самоуправления, установленной Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Федеральный закон № 33-ФЗ, 2025].

Разнообразие региональных моделей не следует оценивать как недостаток само по себе оно отражает различия в численности молодёжи, территориальной организации, бюджетных возможностях и социальной инфраструктуре. Вместе с тем самостоятельность субъектов Российской Федерации не должна приводить к снижению федеральных гарантий или к замене общих правовых основ сугубо региональными приоритетами.

Молодёжная политика реализуется органами публичной власти, учреждениями молодёжной политики, общественными объединениями и иными субъектами, предусмотренными Законом № 489-ФЗ. На федеральном уровне значительную роль играет Федеральное агентство по делам молодёжи – Росмолодёжь.

В соответствии с Положением о Росмолодёжи агентство осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере молодёжной политики в пределах установленной компетенции. Руководство деятельностью Росмолодёжи осуществляет Правительство Российской Федерации [Постановление Правительства РФ № 409, 2008].

В свою очередь организационные модели субъектов Российской Федерации различаются: полномочия в сфере молодёжной политики могут осуществляться самостоятельным органом,

структурным подразделением более широкого профиля либо несколькими органами во взаимосвязи, при этом не допустимо без специального исследования утверждать, что одна модель всегда эффективнее другой – для оценки необходимы сопоставимые данные о ресурсах, результатах программ, инфраструктуре и удовлетворенности молодых граждан.

Отдельное место занимают молодёжные и детские общественные объединения, их поддержка осуществляется в соответствии с Законом № 489-ФЗ, Федеральным законом от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений», бюджетным законодательством и правилами конкретных конкурсов или программ [Федеральный закон № 98-ФЗ, 1995]. Формы поддержки могут включать финансовые, имущественные, информационные, консультационные и иные меры, предусмотренные законом и актами публичных органов.

При оценке государственной поддержки общественных объединений важно различать наличие конкурсных процедур и оценку их качества. Утверждения о непрозрачности отбора, фаворитизме или недостаточности системной поддержки требуют самостоятельной эмпирической базы: анализа положений конкурсов, состава экспертов, критериев оценки, распределения средств и результатов проектов, без такой базы они не могут использоваться как установленный факт.

Молодёжь в Законе № 489-ФЗ является социально-демографической группой, а не единой категорией лиц с универсальным специальным правовым статусом. Поэтому корректнее говорить не об особом «правовом режиме молодёжи», а об адресных мерах поддержки отдельных групп: молодых семей, студентов, молодых специалистов, молодых предпринимателей, добровольцев (волонтеров), лиц в трудной жизненной ситуации и других категорий, прямо определяемых законом или программными документами.

Включение лиц от 14 до 18 лет в сферу молодёжной политики не создает конкуренции норм с законодательством о защите прав ребенка, эти нормативные массивы имеют разные, но взаимодополняющие цели. Законодательство о гарантиях прав ребенка устанавливает специальные гарантии несовершеннолетних, а молодёжная политика предусматривает меры, связанные с социализацией, участием, образованием, трудовой ориентацией и поддержкой инициатив. При реализации мер в отношении несовершеннолетних приоритет имеют специальные гарантии их прав и законных интересов.

В сфере молодёжной политики могут быть установлены специальные меры поддержки, однако такие меры должны соответствовать принципу равенства, быть обоснованы объективными обстоятельствами и соразмерны поставленной цели возраст сам по себе не должен использоваться как основание для произвольного предоставления преимуществ или ограничения прав.

Заключение

Молодёжная политика имеет самостоятельное конституционно-правовое значение. Ее общие вопросы прямо отнесены пунктом «е» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, поэтому самостоятельность молодёжной политики в системе публичного управления имеет конституционно-нормативную, а не только социально-политическую основу.

Закон № 489-ФЗ развивает конституционную модель, закрепляя цели, принципы, основные направления и многоуровневую систему полномочий, при этом молодёжная политика не

формирует единый автономный правовой статус всех лиц от 14 до 35 лет, ее назначение состоит в создании условий для реализации прав и законных интересов молодых граждан с учетом особенностей отдельных групп.

Доктринальный анализ показывает, что конституционализация молодёжной политики, развитие программного управления и вовлечение молодёжи в публичную жизнь являются взаимодополняющими направлениями, а Автор поддерживает эти подходы при условии соблюдения правовой определенности. Конституционализация не должна означать расширение неограниченной дискреции публичной власти: ее содержанием должны быть прозрачное разграничение компетенции, гарантии прав и свобод, обоснованные меры поддержки и условия для свободной самореализации молодёжи.

Дальнейшее развитие регулирования целесообразно связывать с совершенствованием межуровневой координации, финансового обеспечения, механизмов участия молодёжи, прозрачных правил поддержки общественных объединений и оценки результатов программ. Эти меры позволят развивать молодёжную политику как сферу публичного управления, совместимую с принципами федерализма, социального государства и конституционной свободы личности.

Библиография

1. Бем А.В. Конституционно-правовое регулирование молодёжной политики в советский период // *Baikal Research Journal*. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-molodezhnoy-politiki-v-sovetskiy-period>
2. Григорьев А.В. Конституционные основы молодёжной политики Российской Федерации в области институтов народовластия // *Закон и власть*. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-molodezhnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-institutov-narodovlastiya>
3. Запольский С.В., Сморякова Л.Н. Совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: конституционные новеллы // *Право и практика*. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovместное-vedenie-rossiyskoy-federatsii-i-subektov-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnye-novelly>
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Любина О.Н. Государственная молодёжная политика: особенности реализации и отражение в государственных программах Российской Федерации и г. Москвы // *Управление*. 2017. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-osobennosti-realizatsii-i-otrazhenie-v-gosudarstvennyh-programmah-rossiyskoy-federatsii-i>
6. Меркулов П.А. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодёжной политики в Российской Федерации // *Вестник ПАГС*. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-federalnyy-zakon-kak-zavershenie-protsessa-konstitutsionalizatsii-molodezhnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii>
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодёжи» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 22. Ст. 2586.
8. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
9. Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 27. Ст. 2503.
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

The Constitutional-Legal Nature of Youth Policy as an Independent Sphere of Public Administration

Yuliya S. Amirkhanova

Postgraduate Student,
Moscow University named after A.S. Griboyedov,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yuliya.amirhanova@gmail.com

Abstract

The article examines the constitutional-legal nature of youth policy as an independent sphere of public administration in the Russian Federation. The constitutional foundations of youth policy, enshrined after the 2020 constitutional reform, and the provisions of Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation" are analyzed. Doctrinal approaches to the constitutionalization of youth policy, its connection with the institutions of democracy, program-based management, and the federal structure are examined. It is substantiated that youth policy belongs to the sphere of joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituent entities. Its independence is determined by direct constitutional recognition, a comprehensive subject of regulation, and a multi-level nature of implementation. At the same time, youth policy should not be considered as a basis for creating a single special legal status for all persons aged 14 to 35 or for an indefinite expansion of public intervention in the lives of young people. It is shown that the constitutional foundations of youth policy form a three-level construction: a norm on the distribution of powers between levels of public authority, general social guarantees addressed to citizens regardless of age, and a legislative criterion derived from them for determining the subject of regulation. The significance of the program-target method is assessed separately: it remains an act of a subordinate level and cannot serve as an independent source of competence for public bodies. It is concluded that the further development of regulation should be connected with the improvement of inter-level coordination, financial support, mechanisms of youth participation, and transparent rules for supporting public associations.

For citation

Amirkhanova Yu.S. (2026) *Konstitutsionno-pravovaya priroda molodezhnoy politiki kak samostoyatel'noy sfery publichnogo upravleniya* [The Constitutional-Legal Nature of Youth Policy as an Independent Sphere of Public Administration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 250-258. DOI: 10.34670/AR.2026.92.94.028

Keywords

Youth policy, Constitution of the Russian Federation, joint jurisdiction, public administration, youth, rights and freedoms, federalism, Federal Law No. 489-FZ.

References

1. Bem, A.V. (2024). *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie molodezhnoy politiki v sovetskiy period* [Constitutional and

- legal regulation of youth policy in the Soviet period]. *Baikal Research Journal*, (4). <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-molodezhnoy-politiki-v-sovetskiy-period>
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 409 of May 29, 2008 "On the Federal Agency for Youth Affairs". (2008). Collection of Legislation of the Russian Federation, (22), Art. 2586.
 3. Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority". (2025). Official Internet Portal of Legal Information. <http://pravo.gov.ru>
 4. Federal Law No. 98-FZ of June 28, 1995 "On State Support of Youth and Children's Public Associations". (1995). Collection of Legislation of the Russian Federation, (27), Art. 2503.
 5. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation". (2020). Collection of Legislation of the Russian Federation, (1(1)), Art. 28.
 6. Grigoryev, A.V. (2023). Konstitutsionnye osnovy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti institutov narodovlastiya [Constitutional foundations of the youth policy of the Russian Federation in the area of the institutions of democracy]. *Zakon i vlast'*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-molodezhnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-institutov-narodovlastiya>
 7. Lyubina, O.N. (2017). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: osobennosti realizatsii i otrazhenie v gosudarstvennykh programmakh Rossiyskoy Federatsii i g. Moskvy [State youth policy: features of implementation and reflection in the state programs of the Russian Federation and the city of Moscow]. *Upravlenie*, (1(15)). <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-osobennosti-realizatsii-i-otrazhenie-v-gosudarstvennyh-programmah-rossiyskoy-federatsii-i>
 8. Merkulov, P.A. (2021). Novyy federal'nyy zakon kak zavershenie protsessa konstitutsionalizatsii molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [A new federal law as the completion of the process of constitutionalization of youth policy in the Russian Federation]. *Vestnik PAGES*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-federalnyy-zakon-kak-zavershenie-protsessa-konstitutsionalizatsii-molodezhnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii>
 9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). (1993). Official Internet Portal of Legal Information. <http://www.pravo.gov.ru>
 10. Zapolsky, S.V., & Smorchkova, L.N. (2022). Sovmestnoe vedenie Rossiyskoy Federatsii i sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnye novelly [Joint jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation: constitutional novelties]. *Pravo i praktika*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnoe-vedenie-rossiyskoy-federatsii-i-subektov-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnye-novelly>